

МЕГАРЕГИОН СИБИРЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-251-271

УДК 94(571); 94(71)

МЕГАРЕГИОНЫ СИБИРЬ И КАНАДА В XX ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ¹

Донских Олег Альбертович,

доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56;

профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков

Новосибирского национального исследовательского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2;

профессор кафедры философии

Новосибирского государственного технического университета,

630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20

ORCID: 0000-0001-7297-9754

Researcher ID: B-5328-2018

olegdonskikh@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются демографические, этнические и религиозные аспекты жизни мегарегионов Канады и Сибири. Канада активно продолжает привлекать мигрантов, тогда как Сибирь, напротив, после перестройки испытывает уверенную убыль населения, причем чем восточнее, тем этот процесс заметней. Важным фактором, определяющим этническое многообразие как Сибири, так и Канады, является наличие коренных народов, населявших эти земли до прихода европейцев. В условиях рыночной экономики идут процессы трансформации образа жизни и менталитета различных этнических групп. Векторы этих процессов весьма различны – от ассимиляции более многочисленными группами населения и постепенного растворения в рыночной экономике с усвоением соответствующего менталитета до формирования нового образа жизни с сохранением этнического самосознания. Значительную роль в Канаде играют также новые этнические группы, образованные мигрантами, прибывшими в последнее время из Азии. В обоих мегарегионах большую роль в духовной жизни играло христианство, были образованы миссии по обращению коренных жителей. Но если в Канаде католическая церковь испытывала серьезное

¹ Статья написана в рамках исследовательского проекта РФФИ № 18-014-00052 «Сибирь в контексте глобальных трансформаций: сравнительный анализ мегарегионов».

давление со стороны протестантов, то в Сибири православие столкнулось не только с язычниками, но и с мусульманами и буддистами. Однако за советское время православие утратило свое значение и вынуждено возрождать свое влияние, зато усилились традиционные формы религиозности.

Ключевые слова: мегарегион, Сибирь, Канада, демография, многоэтничность, коренные народы, традиционный образ жизни, христианство, миссионерство, католичество, протестантизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Донских О.А. Мегарегионы Сибирь и Канада в XX веке: исторические особенности формирования культурного многообразия // *Идеи и идеалы*. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 251–271. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-251-271.

Настоящая статья продолжает серию исследований в рамках концепции Сибири-мегарегiona [16–18]. Понятие мегарегиона позволяет, в частности, сравнивать мегарегионы по различным параметрам, что отличает его от чисто экономического понятия макрорегиона. Как пишет В.И. Супрун, «тема мегарегиона представляется не просто интересной и необычной, но и предельно актуальной в силу происходящих экономических, управленческих и геополитических изменений» [19, с. 9]. Статья продолжает исследование сравнительной истории формирования культурного многообразия мегарегионов Сибирь и Канада до конца XIX века [3]; рассматриваются демографические, этнические и религиозные аспекты жизни двух мегарегионов в XX веке.

К началу XX века Сибирь и Канада оформляются в географическом и государственном плане, и их население начинает ощущать себя потомственными уроженцами этих земель. При этом Сибирь, хотя и задумывается об автономии, остается неотъемлемой частью Российской империи, а Канада постепенно обретает политическую самостоятельность. К концу второй трети XIX века Канада уже обретает самоуправление. При этом очень важно, что, несмотря на сильное давление южного соседа, она не присоединяется к США, чтобы не потерять чувство относительной независимости, которое ей дает принадлежность к британской короне.

В начале XX века в обоих мегарегионах резко меняется демографическая ситуация.

В Сибири наряду с постоянным притоком крестьян и мастеровых (не говоря уже о ссыльных) начинается поддерживаемое государством переселенческое движение, в которое вовлекается почти три миллиона крестьян: в 1906–1910 гг. – 1 млн 835 тыс., в 1910–1914 гг. – более 910 тыс. человек [5, с. 223]. Сибирь принимает российских крестьян, и это усиливает начавшуюся во второй половине XIX века политику перевода коренного населения от традиционных занятий к земледелию, которая имела це-

лью в конечном итоге унифицировать образ жизни сибирского населения. Успехи здесь зависели от разных причин: играли роль социокультурные факторы, уровень взаимодействия с российскими крестьянами, климатические условия. Принципиально то, что общий вектор вел к унификации, хотя процесс был весьма неоднородным и результат не везде однозначным. К концу XIX века доля коренного населения («инородцев») по сравнению с концом XVIII века относительно общего населения Сибири сократилось вдвое – с 30 до 15 %, хотя и выросло более чем в два раза в абсолютном выражении – с 183 тыс. до 413 тыс. (если считать по душам мужского пола, при этом традиционно женщин было от 90 до 98 % от числа мужчин) [15, с. 205, 206]. Общее же население Сибири в 1897 г. составило 5799,8 тыс. чел., из которых горожан было 458,4 тыс. человек на 5341,4 тыс. сельских жителей, т. е. примерно 8,5 %. Эти цифры говорят, естественно, об образе жизни сибиряков. Благодаря Столыпинской аграрной реформе и переселению крестьян из Европейской России к 1916 г. население Сибири составило уже более 11 млн чел. [12].

Население Канады в 1891 г. составляло 4,8 млн чел. Канада, которая рекламируется как «Новое Эльдорадо», с 1896 по 1914 г. принимает около 2,5 млн мигрантов, и к 1921 г. ее население вырастает до 8,8 млн чел. [306, р. 219]. Однако поток эмигрантов был значительно более разнообразным по сравнению с переселенцами в Сибирь. Две трети мигрантов прибыли из Великобритании и США, но, кроме того, приехало 150 тыс. западно-украинских крестьян из Галиции и Буковины (а потом, до Второй мировой войны, еще 70 тысяч). Соответственно, этнорелигиозная картина канадского населения оказывается более разнообразной, чем в Сибири. Здесь и говорящие на разных языках и исповедующие разные религиозные взгляды европейцы, здесь и сложные отношения между коренными народами, и непростые отношения между коренным и европейским населением (причем живущие в течение нескольких поколений европейцы также начинают считать себя коренным населением).

Очень показательным в этом отношении существование такой группы населения, как метисы (*Métis*) Красной реки, которая юридически признана самостоятельным народом наряду с этническими американскими индейцами и инуитами. «*Métis* – это не общее обозначение для всех людей двойного расового происхождения; оно относится только к тем, кто принимает свое специфическое социокультурное наследие и чувство этнической самоидентификации» [24, р. 136]. В то же время метисы Великих озер не сформировались ни в какую этническую группу, но, ведя общие дела как с индейцами, так и с белыми торговцами, вступали с ними в родственные отношения, и в результате общие экономические интересы были, по-видимому, более важны в их жизни, чем проблема этничности [33, р. 50, 51].

Тем самым, рассматривая проблемы культуры, мы выходим на проблему идентичности. Фактически мы говорим о культурной «луковице», где разные идентичности накладываются одна на другую: при встрече с европейцем – это американец, с американцем – канадец, с канадцем – житель Альберты, с жителем Альберты... Сюда же относится религиозная самоидентификация, экономическая, профессиональная и т. д.

Возвращаясь к началу XX века, мы приходим к следующей ситуации: как только население обоих мегарегионов начинает ощущать свою самобытность, идет такой мощный приток мигрантов, что на протяжении одного поколения население удваивается. Возникает интересный вопрос: каким образом происходит дальнейшее формирование национальной и культурной идентичности? В Канаде значительную роль играет школа. Именно в школах дети иммигрантов оказывались под влиянием учителей, большинство которых составляли строгие молодые женщины, считающие своим долгом «канадизировать» своих учеников [26, p. 174].

Если мы перейдем к настоящему времени, то можно констатировать факт, который однозначно разводит векторы процессов, происходящих в Канаде и Сибири. Если Канада продолжает привлекать мигрантов, то Сибирь, напротив, после перестройки испытывает убыль населения. «Так, за 6 лет, с 2001 по 2006 год, население Канады увеличилось более чем на 1,6 млн, т. е. на 5,4 %. И высокий прирост населения продолжается: только в 2018 году население Канады выросло на 528 421 человека, из которых 80,5 % мигранты» [36, p. viii]. Причем необходимо учесть различие между переселенцами и иммигрантами, о котором говорит С. Хантингтон: переселенцы изначально принадлежат к культуре той страны, из которой они приехали, и их идентичность полностью этим фактом определяется, тогда как иммигранты сразу стараются ассимилироваться в новых условиях [21, с. 73–78]. С учетом этого отличия становится понятным тот факт, что, несмотря на репутацию Канады как одной из самых мультикультурных стран, всё больше людей объявляют себя «канадцами». «Это органическое чувство национализма, растущего снизу, а не насаждаемого сверху... является, пожалуй, самым важным, хотя и не вполне осознанным, историческим фактом современной Канады» [36, p. viii].

С 2010 по 2017 г. население Сибири (включая Тюменскую область, Сибирский федеральный округ (СФО) и Дальневосточный федеральный округ (ДФО)) возросло с 28 942 тыс. чел. до 29 145 тыс., т. е. прирост составил 203 тыс. чел. в абсолютном выражении [14]. Но эта прибавка достигнута лишь за счет роста населения Тюменской области, включая ее автономные округа – ХМАО и ЯНАО, на 287 тыс. чел., тогда как население восточных округов уменьшилось на 84 тыс. чел., а с 2005 г. убыль населения СФО и ДВФО составила больше половины миллиона. При этом на-

селение СФО за 2011–2017 гг. в среднем увеличивается на 0,5 % в год. Однако эта закономерность проявляется за счет роста городского населения, в то время как население сельских территорий ежегодно снижается в среднем на 0,6 %. В ДВФО убыль населения идет стабильно на уровне примерно 0,3 % в год. При этом сельское население сокращается гораздо быстрее, чем городское: соответственно на 0,9 % и 0,1 % ежегодно [1]. И даже этот снижающийся уровень частично купируется за счет мигрантов.

Теперь посмотрим на структуру идентичности населения мегарегионов Канады и Сибири.

Фактор, который существенно определяет специфику канадской идентичности, – это наличие коренных жителей и необходимость взаимодействия с ними. Начнем с образа жизни. Рауна Куокканен в качестве эпиграфа к своей статье об экономике индейцев цитирует Антуанет Хелмер: «Прибыль для некоренного населения – это деньги. Прибыль для коренного населения означает хорошую жизнь, зависящую от земли и моря, и это всё, что мы есть. Земля, находящаяся в нашем доверенном владении, – это наше богатство. И только такое богатство мы могли бы передать нашим детям» [34, р. 215]. Однозначная зависимость от земли и привязанность к ней полностью определяли и до сих пор определяют образ жизни индейцев, метисов, инуитов.

Смогут ли эти формы хозяйства выжить в условиях торжествующего капитализма, и что с ними будет в будущем? Многие авторы уверены в их исчезновении (действует *TINA syndrome* – аббревиатура фразы Маргарет Тэтчер: “There is no alternative” – «Альтернативы не существует»). Есть только рыночная экономика, которая показала свою эффективность). Действительно, включение охотников, собирателей и рыболовов в рыночные отношения, ведись оно в жестких или мягких формах, приводит к исчезновению соответствующего их традиционным занятиям образа жизни. История коренных народов в Сибири, Канаде или Австралии – это постепенное растворение в системе капиталистических отношений и потеря этнической идентичности. Вопрос только в скорости этого процесса. Однако в XX веке наличие альтернативной экономики и соответствующего образа жизни коренных народов – это важный фактор жизни Канады. Изучение проблем, связанных с историей колониальной системы, ведется в рамках так называемого «постколониального поворота». Существуют слабая и сильная версии этого поворота. Слабая рассматривает современный этап как постколониальный в хронологическом смысле этого слова, и он уже практически оставил колониальное прошлое в уходящей истории. Сильная версия подразумевает, что колониальный этап наложил неизбежный отпечаток в современной истории бывших колоний. Сильная версия предполагает преемственность колониализма после обретения независимости

или деколонизации, но пытается избежать искажающих повествований о неполноценности и превосходстве, которые заложены в самой идеологии колониализма [23, р. 251–254]. Представляется, что второй подход более отвечает современной истории Канады, потому что идентичность так или иначе связана с историей хотя бы через историю семьи, а это уходит на несколько поколений в прошлое, когда еще не было политики мультикультурализма.

Этот подход имеет, в частности, серьезную поддержку со стороны различных исторических обществ, которые играют значительную роль в сплочении нации с конца XIX века. Так, в 1883 г. Королевское общество Канады, во многом благодаря маркизу Лорну – четвертому генерал-губернатору Канады, получило королевскую хартию, что стало одним из важнейших событий интеллектуальной жизни страны. В уставном документе общества говорится: «Задачей Общества будет содействие обучению и интеллектуальным работам высочайшего качества. Общество поддерживает выдающиеся достижения в области искусства, гуманитарных и естественных наук, а также в области канадской общественной жизни» [37]. Общество поддержало работы в области общественных наук, начиная с 1908 г. Чуть ранее Маркиз Лорн способствовал созданию Королевской канадской академии художеств (1880 г.) и Национальной галереи Канады (1880 г.). Любопытно, что из тридцати шести организаций, связанных с Королевским обществом в 1900 г., две трети имели историческую направленность, и в их число входили группа из шести наций и два женских исторических общества. Канадские историки – как любители, так и студенты – избирательно и романтично использовали прошлое для поддержки усилий по национальному строительству [26, р. 185]. Безусловно, работа подобных обществ играет свою роль в формировании менталитета канадцев. В первой декаде XXI века в стране устанавливаются памятники пионерам различных этнических и религиозных групп, прибывавших в Канаду, – венгерским, украинским, немецким колонистам. Это не только способствует сохранению исторической памяти, но и демонстрирует прибывающим в Канаду иммигрантам уважение к прошлому принимающей их нации [38, р. 248 et al.].

Если вернуться от проблемы памяти к проблеме выживания традиционных форм хозяйства, которые являются живым фактором связи с прошлым территорий, где сейчас располагается современное государство, то здесь ситуация не слишком вдохновляющая. В 1974 г. было остановлено строительство газопровода от дельты реки Маккензи в Южную Канаду в связи с подготовкой доклада судьбы Томаса Бергера, уполномоченного правительством Трюдо выяснить, как и насколько этот проект повлияет на территорию Юкона и долину реки Маккензи. Судья пришел к выво-

ду, что «коренные народы были исключены из индустриальной экономики и «платили высокую цену с точки зрения социального воздействия всякий раз, когда индустриальная экономика проникала на север» [31, р. 272]. В результате строительство было возобновлено только через десять лет, и ветка газопровода стала значительно короче. Примерно в это же время Верховный суд Канады признал право на землю народа нишга (из группы цимшианов) в Британской Колумбии и было достигнуто соглашение между правительством и племенами кри и инуитами по поводу развития соответствующих территорий. Были признаны их права на землю, а также право на самоопределение. Тем не менее остаются серьезные проблемы в отношениях между коренными народами и остальным населением Канады, не говоря о напряженности, существующей между нефтедобывающими провинциями и остальными.

Кроме того, несмотря на важные победы коренного населения в смысле отстаивания своих прав на землю, возможности для сохранения условий традиционного образа жизни постоянно сокращаются. Например, если взять земли Южной Альберты, то разрушительные действия по отношению к территории были распространены среди владельцев ранчо в период освоения. Кроме того, слишком многие скотоводы не могут выполнять задачу сохранности земель [30, р. 145]. Таким образом, переход от традиционной экономики к экономике современного государства при сохранении существующего положения дел – это вопрос времени.

Другое дело – сохранение памяти и определенных этнических характеристик. Политика мультикультурализма поддерживает этническое самосознание. Социологические исследования в целом подтверждают это положение. Так, подытоживая результаты опроса, проведенного в 2009 г., авторы пишут: «В целом наше обследование подтверждает наличие региональных и языковых различий, которые мы ожидали обнаружить в Канаде, но не всегда так, как мы ожидали. Наши предварительные выводы свидетельствуют о том, что зачастую различия внутри регионов (основанные, например, на образовательной, этнической, языковой и сельско-городской идентичности) выше, чем между самими регионами. Мы также были удивлены, обнаружив, что наши франкоязычные респонденты из Квебека (но не из Нью-Брансуика) сообщили о меньшем интересе к прошлому, включая их семейную историю, чем канадцы в других провинциях...» [27, р. 32]. Учитывая политику, направленную на существенное увеличение числа населения (во время предвыборной кампании 2015 г. все три основные политические партии соревновались в том, кто пообещает принять больше беженцев [11]), можно отметить, что ситуация постоянно меняется в пользу новых этнических групп, особенно из Азии. Достаточно заметить, что в настоящее время третий по численности язык канадцев – китайский (на нем говорят более

1200 тыс. человек), и, что самое интересное, количество говорящих дома на китайском растет [39]. Разумеется, в ближайшие десятилетия этническая структура канадского населения будет существенно другой, и особенно это касается жизни в городах, в частности, в Торонто [28]. Здесь постоянно возникают проблемы в отношениях между привилегированными субъектами мультикультурной нации и теми, которые обычно идентифицируются на основе их культурного статуса меньшинства, где первые утверждаются как субъекты, способные быть признанными, а последние – лишь как объекты, способные быть узнаваемыми [32, р. 35]. Поэтому требуются специальные усилия для организации межэтнического и межкультурного диалога.

По многоэтничности Сибирь вполне сопоставима с Канадой, хотя заселение Сибири и освоение ее громадной территории, в отличие от Канады, шло несколькими миграционными волнами. Это были якуты, татары, башкиры, чуваша, остяки и вогулы (современные ханты и манси), русские... Со времени присоединения сибирских просторов к российскому государству русские начинают доминировать. «Русскоязычное население Сибири по своей численности стало преобладать над коренным уже в конце XVII века, а наращивание потенциала России за счет восточных регионов вызывало массовые подвижки населения, что способствовало дальнейшему росту общей численности жителей азиатских регионов России» [10, с. 19, 20]. Таким образом, именно XX век стал для Сибири «временем наиболее интенсивного хозяйственного и демографического освоения. На этот временной интервал приходится четыре массовые миграционные волны в Сибирь. Это переселенческое движение начала века (первая волна), вторая волна была связана с индустриализацией Сибири, третья – всплеск массового переселения в Сибирь в годы Великой Отечественной войны и четвертая – период интенсивного заселения Сибири 1960–1970 годов... Демографическая ситуация в Сибири складывается весьма напряженной, с усиливающейся негативной динамикой» [10, с. 28, 29].

За период с 1940 по 2002 г. численность населения Сибири увеличилась с 9,1 до 23,7 млн человек [4]. Одновременно усилившиеся этнокультурные контакты определили существенные изменения в демографическом поведении коренных народностей. Так, «социально-экономические и политические события 1930–1940-х гг. привели к нивелированию большинства различий между отдельными группами коренного населения предгорий Северного Алтая, детерминировав практически одновременный демографический переход у кумандинцев, тубаларов и челканцев к рациональному типу воспроизводства» [10, с. 22, 23]. Несмотря на процессы ассимиляции и межэтнические браки, ряд этносов Алтая сохранился. Любопытно, что распад СССР и соответствующие социально-экономические проблемы спровоцировали «архаизацию социальной жизни,

хозяйственной деятельности, семейной сферы коренных этносов предгорий Северного Алтая» [Там же, с. 23]. Процесс индустриализации сильно повлиял на жизнь населения другого региона Южной Сибири – Хакасии. Строительство крупнейшего энергетического комплекса «повлияло на все стороны жизни коренного населения и чрезвычайно активизировало процессы, приводящие к существенным сдвигам внутри хакасского этноса. Усилилось взаимодействие различных групп хакасов, активизировались контакты хакасов с представителями иных национальностей, в основном, с русскими» [Там же, с. 26].

Похожие проблемы (и в силу отдаленности – более остро) переживают малые народы севера Сибири. Традиционные занятия не могут обеспечить конкурентоспособность соответствующей продукции, и молодежь начинает искать другие сферы занятости. «В местах компактного проживания коренного населения проблема безработицы и низких доходов очень остра. Число безработных в национальных селах и деревнях, где не сохранилось организованное сельское хозяйство или промыслы, обычно превышает 40 % от общего числа трудоспособных. Занятость в традиционном секторе экономики во многих населенных пунктах не имеет реальных альтернатив. Разрушение традиционного хозяйства и образа жизни коренного населения «вытаскивает» их представителей в полиэтничные крупные поселки и города и приводит к культурно-языковой и этнической ассимиляции. Такая политика не решает проблем занятости и социального нездоровья, не имеет экономического обоснования и не отвечает задачам устойчивого развития [9, с. 218]. Наряду с безработицей серьезными проблемами является алкоголизм, суицидальное поведение, разрушение привычных форм жизни. Таким образом, несмотря на то что пока еще в Сибири сохранилось несколько десятков этнических групп с соответствующим самосознанием, идут процессы их трансформации. Причем векторы этих процессов весьма различны – от ассимиляции более многочисленными группами населения и в будущем полного растворения в рыночной экономике до формирования нового образа жизни с сохранением этнического самосознания.

Весьма значительную роль в социокультурных процессах играет религия. Ведущей религией Канады является христианство (67,3 % населения), и основная конфессия среди христиан – это римско-католическая церковь (почти 40 %). Около 24 % не исповедуют никакой религии; более 7 % – мусульмане, индуисты и др. При этом довольно быстро растет количество как безрелигиозных людей, так и представителей нехристианских конфессий. Треть иммигрантов, прибывших в Канаду между 2001 и 2011 гг., – это представители нехристианских религий [22]. Канада принципиально принимает всех беженцев, независимо от их конфессиональной принадлеж-

ности. Вообще по сравнению с США христианство в Канаде было существенно более терпимым к коренному населению, не признавало рабства и социального насилия.

Католическая церковь изначально играла значительную роль в истории Канады. Уже в начале XVII века появляются первые миссии, активно работают иезуиты. Французские власти делали всё, чтобы церковь стала важной силой в расширяющихся колониях. При этом вначале у французских католиков было вполне толерантное отношение к прибывающим гугенотам, но позже кардинал де Ришелье прекратил действие Нантского эдикта в колониях – за 50 лет до того, как это было сделано в самой Франции [35, р. 21, 22]. С начала XVIII века в Канаду начинают постепенно прибывать протестанты разных конфессий – англикане, баптисты, пресвитериане. Когда Канада перешла во владения английской короны, официальная политика требовала, чтобы католики переходили в протестантизм, но это было нереально. Таким образом, изначально было заложено сосуществование ряда христианских конфессий. «Когда в 1867 году Канада сложилась как современная нация, Леонард Тилли из Фредериктона, Нью-Брансуик, политический лидер и методист, использовал слова Псалма 72:8 применительно к новой стране: “И будет Он господствовать от моря до моря и от рек до концов вселенной”¹. И далее в течение нескольких поколений господствовал образ “Его владений” как нации, воплощающей христианские принципы и стремление к христианским целям» [Там же, р. 246]. Центром католицизма в Канаде был и остается Квебек. Это приводило к трениям в связи с тем, что французские епископы управляли епархиями, где католиками были англоговорящие ирландцы, итальянцы или поляки. Трения между католиками дополнялись напряженными отношениями между католиками и протестантами, которые периодически доходили до крайней черты. Серьезные распри между христианскими конфессиями отличали канадское общество от США.

После Первой мировой войны конфессиональная картина Канады выглядела следующим образом: «Более 3 000 000 из почти 9 000 000 граждан Канады в ходе переписи назвали себя католиками. Самые большие протестантские церкви – англикане, пресвитериане и методисты – были названы каждая более чем 1 000 000 канадцев в качестве предпочитаемой церкви. Более 400 000 человек определили себя баптистами, почти 300 000 – лютеранами, около 1 700 000 – греческими православными, а еще 125 000 – иудеями» [Там же, р. 462].

В то же время всё большее влияние на общественное сознание начинают оказывать средства массовой информации. Так, в 30-е годы романтизируются отношения между мужчинами и женщинами, укрепляются обы-

¹ В славянской Библии это псалом 71.

чай невесте надевать белое платье и проводить медовый месяц. Со времен Второй мировой войны практически все церкви, кроме католической (которая охватывает к 1981 г. больше 45 % населения), постепенно теряют своих сторонников, и начинает расти количество людей, не идентифицирующих себя ни с одной церковью. И общая религиозность падает. Если в 1955 г. 93 % жителей Квебека на вопрос анкеты отвечали, что посещали церковь в последнюю неделю, то в конце 80-х гг. их число упало до 30 % [Там же, р. 477].

Нужно отметить историческую роль церкви в образовании канадцев. Уже в 1663 г. епископом Лавалем была организована в Квебеке «Большая Семинария» (первое высшее учебное заведение Канады), которая много позже, примерно через 200 лет, стала университетом им. Лавала [40]. Что касается школ, то это были в первую очередь школы приходские. Поэтому образование было религиозным и классическим. Борьба между протестантскими церквями и соответствующая угроза доминированию англиканской церкви заставила архиепископа Стречана организовать в 1827 г. Кингс Колледж, который в 1850 г. стал университетом Торонто. Свой университет создали методисты. Примерно в это время борьба между французскими католиками и английскими протестантами привела к появлению актов, которые обязывали государство поддерживать католические школы. Это, в свою очередь, заставило другие конфессии более активно заняться образованием. К 1860 г. в Канаде насчитывалось уже 17 университетов [26, р. 141].

Интересно, что «...тесная связь между религией и образованием может объяснять отсутствие какой-либо канадской литературной традиции. В колонии не было публичной библиотеки, печатного станка, газеты или другого органа общественного мнения. Хотя церковь не поощряла свободу мысли или развитие обучения помимо своих собственных учений, колонисты, похоже, не требовали иного» [36, р. 63]. Не случайно поэтому, что «канадская культура» появляется лишь со второй четверти XIX века – «Часовщик» Томаса Хелибёртона, дневники путешествий Александра Маккензи и Дэвида Томсона; романтику жизни пионеров Канады описывают Вильям Данлоп и Катерина Парр Трейл; художник Корнелиус Кригхоф запечатлевает обаяние сельской жизни Квебека... [Там же, р. 274, 275].

Во второй половине XIX века образование начинает отделяться от церкви, появляются публичные школы, обучение в которых было обязательным и бесплатным сначала до 12 лет (1871), потом до 14 лет (1891), а в 1919 г. – до 16 лет [Там же, р. 270]. Канада становится весьма образованной страной. В 2016 г. 54 % канадцев в возрасте от 25 до 64 лет окончили колледж или университет, тогда как в 2006 г. их было 48,3 % [29].

В Сибири с самого начала государство и церковь идут рука об руку. «В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиат-

ской России лежит признание большой политической и социокультурной важности распространения православия среди «инородцев». Уже в 1681 г. возникает Даурская миссия для крещения кочевых бурят. Во многих случаях крещение не было добровольным. «Веским аргументом в пользу насильственной христианизации является то, что формально успешной она была лишь в таежной полосе, населенной слабыми в военном и политическом отношении народами, а все попытки миссионеров крестить политически более консолидированные и маневренные кочевые народы юга и севера Сибири оказались безрезультатными» [20, с. 39]. Особенно известен в этом отношении митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский. В 1703 г. он добился от Петра I открытия первой в Сибири (и пятой в Российской империи) славяно-русской приходской школы, которая позже станет Тобольской православной духовной семинарией. Он же хотел обучать в этой школе мальчиков-аборигенов, готовя из них будущих священников². Школы для подготовки священников возникали и при миссиях. Так, епископ Иннокентий (Кульчицкий) организовал в Иркутске русско-монгольскую миссионерскую школу, где в 1736 г. обучалось 70 учеников [7, с. 675]. «Во второй половине XVIII в. в Северо-Западной Сибири знание местных языков среди духовенства приходов считалось обязательным. В это же время было положено начало переводам священных книг на языки аборигенов Западной Сибири» [20, с. 45].

Ряд народов (в частности, нганасаны и ханты-оленеводы) избежали христианизации. В большинстве же случаев принятие христианства не означало разрыва с традиционным язычеством и шаманизмом.

«Государством принятие православия аборигенами рассматривалось как необходимый элемент политики «обрусения». В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга» [15, с. 218]. К 1840 г. в Сибири было уже пять епархий, а к концу века их было уже одиннадцать. Правительство способствовало деятельности церкви в первую очередь тем, что уменьшало для крещеных «инородцев» размер ясака. Первые опыты крещения «инородцев» были вполне формальными, не сопровождались организацией необходимого числа школ и поэтому не оставили глубокого следа в среде обращенных. Активная и широкая миссионерская деятельность с переводами богослужебных текстов на языки обращаемых, с организацией регулярной религиозной жизни и обучения детей начинается в XIX веке. Замечательный пример – креститель алеутов св. Иннокентий, апостол Сибири и Америки. В 1867 г. создается Братство св. Гурия в Казани, где работают перевод-

² Однако Петр «не разрешил открывать типографию, учить по-латыни и принимать в школу лиц не духовного звания» [13, с. 18].

чики, в 1870 г. – Всероссийское православное миссионерское общество, обладавшее значительными средствами. Политика государства состояла в том, чтобы коренное население Сибири приблизить по образу жизни к оседлому крестьянскому русскому населению. Но до Первой мировой войны этот процесс был далек от завершения.

Только с начала XIX века священники стали заниматься начальным обучением лиц недуховного звания. А уже после Великой реформы преобразование уставов 4-классных духовных училищ и семинарий определило их всесословность и их выпускники могли поступать не только в духовные, но и светские учебные заведения [6]. Если же говорить о высшем светском образовании в Сибири, то Томский университет был создан независимо от церкви постановлением Государственного совета Российской империи в 1878 г.

Наряду с язычеством и шаманизмом русские в Сибири столкнулись с исламом и буддизмом. В середине XIX века начинается массовый переход татарского населения Сибири в ислам. Именно с этим процессом связаны появление Братства св. Гурия в Казани и активизация миссионерской деятельности. К концу XIX века «в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм (западные буряты) и столько же буддизм» [15, с. 220–221]. Наряду с крещением бурят во второй половине XIX века «была предпринята попытка сделать буддизм одной из российских религиозных конфессий и превратить буддийское духовенство в часть российской элиты. В 1853 г. Сенат утвердил “Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири”, в котором определялось количество дацанов (34) и штат обслуживающих их лам (285)» [2, с. 141]. Губернаторы начинают назначать лам на должности. С начала XX века начинается движение за возврат к буддизму и шаманизму.

Одной из особенностей религиозной жизни в Сибири в XIX веке становится взаимодействие с другими христианскими конфессиями – католичеством и протестантами. Это связано со ссылкой в Сибирь поляков после восстаний 1830 и 1861 гг., немцев-колонистов и др. Если поляки были католиками, то среди немцев преобладали лютеране и меннониты [8, с. 88]. Однако православие оставалось безусловно доминирующим.

Несмотря на известные успехи православных миссий, в начале XX века многие из представителей коренных народов в условиях ослабления самодержавия практически полностью вернулись к прежним религиозным практикам.

Политика советской власти в отношении религии хорошо известна: по всем структурам, связанным с религиозной жизнью, был нанесен сокрушительный удар. Под него попали и православные миссионеры, и шаманы, и буддийские ламы. Возрождение свободной религиозной практики на-

чинается с конца 80-х гг. XX века. И здесь также наблюдается воссоздание традиционных форм религиозности. Этот процесс тесно связан с процессом утверждения этнического самосознания.

В заключение можно сказать следующее: к началу XX века Канада и Сибирь были вполне сопоставимы по ряду признаков. Оба мегарегиона активно развивались и привлекали своими возможностями иммигрантов, что было продолжением европейской экспансии, начавшейся в XVI веке. Население Канады росло за счет мигрантов из Европы, Сибирь в основном осваивалась русскими крестьянами из центральных областей Российской империи. В обеих странах приходилось вступать в отношения с коренным населением, резко отличавшимся по образу жизни и менталитету от пришельцев. Значительную роль в этом процессе играло государство; правда, в отличие от России, в Канаде столкнулись интересы двух европейских держав – Франции и Англии, что во многом определило ее историю и современное состояние. В ряде отношений сходными для обоих мегарегионов являются процессы этнического самоопределения в условиях глобализации и господства рыночной экономики, что на сегодняшний день позволяет сохранять этническое, религиозное и культурное многообразие.

Большое значение имело христианство. В Канаде первоначально ключевую позицию занимала римско-католическая церковь (она до сих пор существенно преобладает по сравнению с другими конфессиями), но вместе с переходом верховной власти к Англии ее начали теснить протестантские общины. Христианские церкви в Канаде обладали значительной самостоятельностью как в организации жизни и начального обучения прихожан, так и в миссионерской деятельности. Со второй половины XIX века именно религиозные организации начали создание университетов. В Сибирь вместе с русскими пришло православие, которое опиралось на поддержку государства, но влияние православной церкви было сильно подорвано, когда советское государство начало откровенную борьбу против него.

В последнее время демографическая ситуация в мегарегионах развивается в противоположных направлениях: если Канада уверенно наращивает численность населения (в первую очередь за счет мигрантов из Азии), то Сибирь устойчиво население теряет. Несмотря на рост населения в Тюменской области, население более восточных территорий уменьшается. Особенно это касается сельских районов. И если в начале XX века Сибирь превосходила Канаду по населению, то сейчас отстает больше чем на 7 млн человек.

Литература

1. Белоцерковский А. Нужны ли России Сибирь и Дальний Восток? [Электронный ресурс]. – URL: <https://aurora.network/articles/11-analitika-i-prognozy/54688-nuzhny-li-rossii-sibir-i-dal-ni-vostok> (дата обращения: 23.03.2019).

2. Бурятия = Buryatia: энциклопедический справочник. В 2 т. Т. 2. История: от древности до современности. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. – 299 с. – (К 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства).

3. Донских О.А. Мегарегионы Сибирь и Канада: исторические особенности формирования культурного многообразия // Сибирь как мегарегион: параметры и цели / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Трендъ», 2018. – С. 51–69.

4. Ефимкин М.М. Роль азиатского демографического пространства России в цивилизационной динамике // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сборник материалов Всероссийской конференции, 22–23 сентября 2003 г. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. – С. 54–58.

5. Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – 311 с.

6. Зольникова Н.А. Церковное образование в Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/cerkovnoe-obrazovanie-v-sibiri> (дата обращения: 20.04.2019).

7. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Т. 2 / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – 808 с.

8. История и этнография немцев в Сибири / сост. и науч. ред. П.П. Вибе. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – 752 с.

9. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / отв. ред. Н.П. Кошцева. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – 639 с.

10. Лафряшина М.Б., Ульянова М.В., Балаиновская Е.В. Коренные народы Южной Сибири: воспроизводство и динамика популяционных генофондов. – Новосибирск: Наука, 2016. – 311 с.

11. Максимов Б. Политика открытых дверей: почему Канаде нужно больше беженцев? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38830993> (дата обращения: 20.04.2019).

12. Население // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: ИИ СО РАН: Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. 2. – С. 434–440.

13. Нечаева А.В. Православные духовные школы Западной Сибири в XVIII веке (К 300-летию духовной школы в Сибири) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5, № 11. – С. 15–31.

14. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2018: статистический сборник [Электронный ресурс]. – М.: Росстат, 2018. – 1162 с. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

15. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

16. Сибирь: имидж мегарегиона / ред. В.И. Супрун. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – 364 с.
17. Сибирь как мегарегион: параметры и цели / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. – 191 с.
18. Сибирь как мегарегион: сущность и динамика / ред. В.И. Супрун. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017 – 159 с.
19. Супрун В.И. Сибирь как мегарегион: параметры и цели // Сибирь как мегарегион: параметры и цели / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. – С. 9–27.
20. Хазанкович Ю.Г. Православное миссионерство среди малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока (исторический и социокультурный аспекты) // Религиоведение. – 2009. – № 3. – С. 39–49.
21. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. А. Башкирова. – М.: АСТ, 2008. – 635 с.
22. 2011 National household survey: immigration, place of birth, citizenship, ethnic origin, visible minorities, language and religion [Electronic resource]. – URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/130508/dq130508b-eng.htm?> (accessed: 20.04.2019).
23. Armitage D. From colonial history to postcolonial history: a turn too far? // The William and Mary Quarterly. Third Series. – 2007. – Vol. 64, N 2. – P. 251–254.
24. Brown J.S.H. The metis: genesis and rebirth // Native Peoples, Native Lands: Canadian Indians, Inuit and Métis. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. – 298 p.
25. Canada's population estimates, fourth quarter 2018 [Electronic resource]. – URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/190321/dq190321d-eng.htm?indid=4098-1&indgeo=0> (accessed: 23.03.2019).
26. Conrad M. A concise history of Canada. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
27. Conrad M., Létourneau J., Northrup D. Canadians and their pasts: an exploration in historical consciousness // The Public Historian. – 2009. – Vol. 31, N 1. – P. 15–34.
28. Darden J.T. Southeast Asians in Toronto // Urban Ethnic Encounters. The Spatial Consequences. – London; New York: Routledge, 2002. – P. 27–45.
29. Education in Canada: key results from the 2016 census [Electronic resource]. – URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/171129/dq171129a-eng.htm> (accessed: 20.04.2019).
30. Elofson W. Grasslands management in Southern Alberta: the frontier legacy // Agricultural History. – 2012. – Vol. 86, N 4. – P. 143–168.
31. Finkel A. Social policy and practice in Canada: a history. – Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2006. – 384 p.
32. Gordon-Walker C. The process of Chop Suey: rethinking multicultural nationalism at the Royal Alberta Museum // Diverse Spaces: Identity, Heritage and Community in Canadian Public Culture / ed. by S.L.T. Ashley. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 16–38.

33. *Gorham H.* Families of mixed descent in the Western Great Lakes region // Native People, Native Lands. Canadian Indians, Inuit and Metis. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. – Chap. 4. – P. 37–55.
34. *Kuokkanen R.* Indigenous economies, theories of subsistence, and women: exploring the social economy model for indigenous governance // *American Indian Quarterly*. – 2011. – Vol. 35, N 2. – P. 215–240.
35. *Noll M.A.* A history of Christianity in the United States and Canada. – Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1992. – 576 p.
36. *Riendeau R.E.* A brief history of Canada. – 2nd ed. – New York: Facts on File, 2007. – 444 p.
37. Royal Charter of RSC [Electronic resource]. – URL: <https://rsc-src.ca/en/about/history> (accessed: 23.03.2019).
38. *Snyrja F.* Storied Landscapes: ethno-religious identity and the Canadian prairies. – Winnipeg: University of Manitoba Press, 2010. – 296 p.
39. *Koefman S.* Which are the most spoken languages in Canada? [Electronic resource]. – URL: <https://www.babbel.com/en/magazine/most-spoken-languages-in-canada> (accessed: 20.04.2019).
40. Université Laval. Origin and history [Electronic resource]. – URL: <https://www.ulaval.ca/en/about-us/about-ul/origin-and-history.html> (accessed: 20.04.2019).

Статья поступила в редакцию 30.03.2019.

Статья прошла рецензирование 14.04.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-251-271

MEGAREGIONS SIBERIA AND CANADA IN THE XX-th CENTURY: HISTORICAL FEATURES OF CULTURAL VARIETY FORMATION

Donskikh Oleg,

Doctor of Philosophy, Professor,

Head of the Department of Philosophy and Humanities

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation;

Professor, Department of Source Studies of Literature and Ancient Languages,

Novosibirsk State University,

2, Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Professor, Department of Philosophy,

Novosibirsk State Technical University,

20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7297-9754

Researcher ID: B-5328-2018

olegdonskikh@yandex.ru

Abstract

This article discusses the demographic, ethnic and religious aspects of the life of megaregions of Canada and Siberia. Canada actively continues to attract migrants, while Siberia, on the contrary, after Perestroika, is experiencing a steady decline in population, and the more to the East, the more noticeable this process is. The important factor determining the ethnic diversity of both Siberia and Canada is the presence of indigenous peoples who inhabited these lands before the arrival of the Europeans. In the market economy, the processes of transformation of lifestyle and mentality of various ethnic groups are underway. The vectors of these processes are quite different - from assimilation with more numerous groups of the population and gradual dissolution in a market economy with the assimilation of the corresponding mentality to the formation of a new way of life with preservation of ethnic identity. A significant role in Canada is also played by new ethnic groups formed by migrants who have recently arrived from Asia. In both megaregions Christianity played a large role in spiritual life, and missions were formed for the conversion of the indigenous people. But if in Canada the Catholic Church was under severe pressure from Protestants, in Siberia Orthodoxy faced not only pagans, but also Muslims and Buddhists. However, during the Soviet era, Orthodoxy lost its significance and was forced to revive its influence, but traditional forms of religiosity has increased.

Keywords: megaregion, Siberia, Canada, demography, multi-ethnicity, indigenous peoples, traditional way of life, Christianity, missionary work, Catholicism, Protestantism.

Bibliographic description for citation:

Donskikh O. Megaregions Siberia and Canada in the XX-th century: historical features of cultural variety formation. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 251–271. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-251-271.

References

1. Belotserkovskii A. *Nuzhny li Rossii Sibir' i Dal'nii Vostok?* [Does Russia need Siberia and the Far East?]. Available at: <https://aurora.network/articles/11-analitika-i-prognozy/54688-nuzhny-li-rossii-sibir-i-dal-ni-vostok> (accessed: 23.03.2019).
2. *Buryatiya = Buryatia: entsiklopedicheskii spravochnik*. V 2 t. T. 2. *Istoriya: ot drevnosti do sovremenosti* [Buryatia: encyclopedic reference. In 2 vol. Vol. 2. History: from antiquity to modernity]. Ulan-Ude, EKOS Publ., 2011. 299 p.
3. Donskikh O.A. Megaregiony Sibir' i Kanada: istoricheskie osobennosti formirovaniya kul'turnogo mnogoobraziya [Megaregions Siberia and Canada: historical features of the formation of cultural diversity]. *Sibir' kak megaregion: parametry i tseli* [Siberia as a mega-region: parameters and goals]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2018, pp. 51–69.
4. Efimkin M.M. [The role of the Asian demographic space of Russia in civilizational dynamics]. *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.: sbornik materialov vserossiiskoi konferentsii, 22–23 sentyabrya 2003 g.* [Siberian society in the context of modernization. XVIII–XX centuries: collection of materials of the All-Russian Conference, September 22–23, 2003]. Novosibirsk, NSU Publ., 2003, pp. 54–58.
5. Efimkin M.M. *Sibirskaya Rossiya. Sotsial'no-industrial'naya adaptatsiya* [Siberian Russia. Socio-industrial adaptation]. Novosibirsk, IH SB RAS Publ., 2009. 311 p.
6. Zol'nikova N.D. *Tserkovnoe obrazovanie v Sibiri* [Church education in Siberia]. Available at: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/cerkovnoe-obrazovanie-v-sibiri> (accessed 20.04.2019).
7. Lamin V.A., chief ed. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. V 3 t. T. 2 [Historical encyclopedia of Siberia. In 3 vol. Vol. 2]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009. 808 p.
8. Vibe P.P., comp. and sci. ed. *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of the Germans in Siberia]. Omsk, Omsk State Historical and Local Lore Museum Publ., 2009. 752 p.
9. Koptseva N.P., ed. *Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsii (na materiale Krasnoyarskogo kraya)*. Ch. 1. *Kontseptual'nye i metodologicheskie osnovy issledovaniya. Etnokul'turnaya dinamika korennykh malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraya* [Indigenous small peoples of the North and Siberia in the context of global transformations (on the material of the Krasnoyarsk Territory). Pt. 1. Conceptual and methodological foundations of the study. Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2012. 639 p.
10. Lavryashina M.B., Ul'yanova M.V., Balanovskaya E.V. *Korennye narody Yuzhnoi Sibiri: vosproizvodstvo i dinamika populyatsionnykh genofondov* [Indigenous peoples of Southern Siberia. Reproduction and dynamics of population gene pools]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016. 311 p.

11. Maksimov B. *Politika otkrytykh dverei: pochemu Kanade nuzhno bol'she bezhentsev?* [Open door policy: why does Canada need more refugees?]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-38830993> (accessed 20.04.2019).
12. Naselenie [Population]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 2, pp. 434–440.
13. Nechaeva L.V. Pravoslavnye dukhovnye shkoly Zapadnoi Sibiri v XVIII veke (K 300-letiyu dukhovnoi shkoly v Sibiri) [Orthodox spiritual schools of Western Siberia in the XVIII century]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2005, vol. 5, no. 11, pp. 15–31.
14. Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2018: statistical compendium. Moscow, Rosstat Publ., 2018. 1162 p. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (accessed 24.03.2019). (In Russian).
15. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 368 p.
16. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: the image of a megaregion]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2012. 364 p.
17. *Sibir' kak megaregion: parametry i tseli* [Siberia as a mega-region: parameters and goals]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2018. 191 p.
18. *Sibir' kak megaregion: sushchnost' i dinamika* [Siberia as a mega-region: the essence and dynamics]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, NSTU Publ., 2017. 159 p.
19. *Suprun V.I. Sibir' kak megaregion: parametry i tseli* [Siberia as a mega-region: parameters and goals]. *Sibir' kak megaregion: parametry i tseli* [Siberia as a mega-region: parameters and goals]. Ed. by V.I. Suprun. Novosibirsk, FSPI "Trendy", 2018, pp. 9–27.
20. Hazankovich Yu.G. Pravoslavnoe missionerstvo sredi malochislennykh narodov Sibiri, Severa i Dal'nego Vostoka (istoricheskii i sotsiokul'turnyi aspekty) [Orthodox missionary work among the small in numbers people of Siberia, this-faith and Far East (historical and sociokul'turny aspects)]. *Religiovedenie – Study of Religion*, 2009, no. 3, pp. 39–49.
21. Huntington S. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York, Simon & Schuster, 2004 (Russ. ed.: Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti*. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow, AST Publ., 2008. 635 p.).
22. 2011 National household survey: immigration, place of birth, citizenship, ethnic origin, visible minorities, language and religion. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/130508/dq130508b-eng.htm> (accessed 20.04.2019).
23. Armitage D. From colonial history to postcolonial history: a turn too far? *The William and Mary Quarterly. Third Series*, 2007, vol. 64, no. 2, pp. 251–254.
24. Brown J.S.H. The Metis: Genesis and Rebirth. *Native people, native lands. Canadian Indians, Inuit and Metis*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 2002. 298 p.
25. Canada's population estimates, fourth quarter 2018. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/190321/dq190321d-eng.htm?indid=4098-1&indgeo=0> (accessed 23.03.2019).

26. Conrad M. *A concise history of Canada*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 320 p.
27. Conrad M., Létourneau J., Northrup D. Canadians and their pasts: an exploration in historical consciousness. *The Public Historian*, 2009, vol. 31, no. 1, pp. 15–34.
28. Darden J.T. Southeast Asians in Toronto. *Urban Ethnic Encounters. The Spatial Consequences*. London, New York, Routledge, 2002, pp. 27–45.
29. *Education in Canada: key results from the 2016 census*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/171129/dq171129a-eng.htm> (accessed 20.04.2019).
30. Elofson W. Grasslands management in Southern Alberta: the frontier legacy. *Agricultural History*, 2012, vol. 86, no. 4, pp. 143–168.
31. Finkel A. *Social policy and practice in Canada: a history*. Waterloo, Ontario, Wilfrid Laurier University Press, 2006. 384 p.
32. Gordon-Walker C. The process of Chop Suey: rethinking multicultural nationalism at the Royal Alberta Museum. *Diverse Spaces: Identity, Heritage and Community in Canadian Public Culture*. Ed. by S.L.T. Ashley. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 16–38.
33. Gorham H. Families of mixed descent in the Western Great Lakes region. *Native People, Native Lands. Canadian Indians, Inuit and Metis*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 2002, chap. 4, pp. 37–55.
34. Kuokkanen R. Indigenous economies, theories of subsistence, and women: exploring the social economy model for indigenous governance. *American Indian Quarterly*, 2011, vol. 35, no. 2, pp. 215–240.
35. Noll M.A. *A history of Christianity in the United States and Canada*. Grand Rapids, Michigan, William B. Eerdmans Publishing Company, 1992. 576 p.
36. Riendeau R.E. *A Brief History of Canada*. 2nd ed. New York, Facts on File, 2007. 444 p.
37. *Royal Charter of RSC*. Available at: <https://rsc-src.ca/en/about/history> (accessed 23.03.2019).
38. Snyriĭa F. *Storied Landscapes: ethno-religious identity and the Canadian prairies*. Winnipeg, University of Manitoba Press, 2010. 296 p.
39. Koyfman S. Which are the most spoken languages in Canada? Available at: <https://www.babble.com/en/magazine/most-spoken-languages-in-canada> (accessed 20.04.2019).
40. *Université Laval. Origin and history*. Available at: <https://www.ulaval.ca/en/about-us/about-ul/origin-and-history.html> (accessed 20.04.2019).

The article was received on 30.03.2019.

The article was reviewed on 14.04.2019.